

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 850-860.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.850
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Social Transformation of the Siberian Cossackdom within the Formation of the Urban Area of Northern Kazakhstan on the Cusp of the XIX–XX centuries

Zhaslan Ye. Nurbayev ^a, Gulmira Zh. Sultangazy ^{b,*}, Lepuda K. Mukatayeva ^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

^b M.S. Narikbayev KAZGUU University, Kazakhstan

Abstract

This article examines the specifics of the urban space formation in Northern Kazakhstan, which at the turn of the 19th and 20th centuries was part of the Steppe Governorate General. The authors explored the processes of the establishment of urban culture and the participation of the Siberian Cossacks in it using the example of the cities of Akmolinsk and Petropavlovsk.

The active development of the urban area of Northern Kazakhstan is determined by the administrative and economic activities of the Cossacks. It is obvious that the pre-revolutionary city had specific functions and character, due to geographical and civilizational factors, whereas the Cossacks on the cusp of the XIX–XX centuries experienced a complex transformation caused by the introduction of new forms of life and adaptation to urban life.

This article is aimed to identify the specifics of interaction of the Cossack class and the city in the context of colonial events, where the Cossack and the city act as equal dialectically interrelated subjects.

The transformation and formation of new social categories and professional orientations became relevant due to the energy of the city making them enjoy application of their labour abilities in the objective socio-economic conditions of the mentioned period. Thus, new professions and new social categories were developed in the Cossack environment. According to the authors, the cities were formed exclusively on the territory of the Border Lines. On the one hand, this fact was supposed to contribute to the development of the city and the formation of an urban lifestyle among the Cossacks, and on the other hand, the Border Line, performing the protecting function, grew to an area where the interests of the local Kazakh population and the Cossacks collided. Socio-economic communications of the Kazakh and Cossack societies led to a complex format of interaction between two differently oriented communities, speakers of different languages, bearers of different traditions and cultures.

Keywords: Northern Kazakhstan, Siberian Cossackdom, city, urban environment, urban area, social transformation, Kazakhs, Cossack colonization, historical urban studies, social groups.

1. Введение

Современные города Северного Казахстана были основаны в XVIII–XIX вв. в результате активного казачьего освоения и необходимости административного закрепления российского присутствия в регионе. Развитие городской среды создавало условия для новых активностей и сопровождалось трансформационными процессами внутри самой казачьей среды, когда под воздействием нового функционала происходили изменение или корректировка типичной казачьей практики существования и мировосприятия. В силу этого сложного взаимодействия город и городское пространство исследуемого периода имеют отличительные черты, обусловленные не только социальными, но и природно-климатическими факторами. В данной статье рассмотрена специфика взаимодействия казачьего сословия и города в контексте колониальных мероприятий,

* Corresponding author

E-mail addresses: sulg096@gmail.com (G.Zh. Sultangazy)

где казаки и город выступают как равноправные диалектически взаимосвязанные субъекты. Одновременно в статье рассмотрены вопросы создания городов на территории Казахстана в обозначенный период.

2. Материалы и методы

Документальным материалом послужили данные личного фонда Г.Е. Катанаева, хранящиеся в Историческом архиве Омской области (ГИАОО, ф. 366, 493 дела, не менее 4000 листов документного текста с материалами, собранными им также из архивов Петербурга, Москвы и Омска). Документальный материал по истории Сибирского казачьего войска представляет собой массив значительных сведений по политической, социальной, экономической жизни сибирского казачества. Особое место занимают материалы по изучению исторического прошлого казахского народа, этнокультурному взаимовлиянию казахского населения и казачества.

Важные материалы по особенностям возникновения города Акмолинска и роли казачества в этом процессе представлены в фонде государственного архива города Нур-Султан. Личный фонд краеведа Акмолинской области А.Ф. Дубицкого (ГАГНС, ф. 362, в котором материалы об Акмолинске (Целинограде) относятся к советскому времени, однако в первых двух описях есть дела, охватывающие период рубежа XIX–XX вв.) раскрывает историю возникновения Акмолинска, формирование и рост его в качестве города во взаимосвязи описания быта и культуры казачества края.

К другим источникам относятся сборники статистических данных и обзоры областей начала XX века, где отражены сведения о численности населения, его сословном и конфессиональном составляющих, объемах товарооборота и др.

Авторами предпринята попытка объяснить вышеуказанные процессы через метод фронта, позволяющий обозначить уникальность и самобытность городских пространств, созданных в период активной колонизации края. Исследователь в этом случае не фреймирован классическими представлениями о городе и культурной среде. В то же время фронт касается пограничных состояний обществ и отдельно взятых социальных категорий как в случае с казачеством, когда дескриптивный метод не способен объяснить трансформационные процессы, протекавшие в казачьем сословии, обусловленные изменениями как административного характера, так и культурного. Социально-экономические коммуникации казахского и казачьего обществ привели к сложному формату взаимодействия двух разноориентированных коллективов, носителей разных языков, традиций, культур, поскольку фронт понимается как пространство, где противостоят и взаимодействуют различные друг от друга общности. В данном случае подразумеваются степь и город (кочевое против оседлого), мусульманское и христианское население. На сегодняшний день метод фронта используется в двух вариациях: американской, где фронт рассматривается как фактор расширения. И второй вариант как теория колонизации, более подходящий для объяснения русского продвижения в Азию. В контексте настоящего исследования под фронтиром-границей мы понимаем конкретную Пограничную линию и формирование на этой линии городов, которые создали неординарные условия и вызовы и стали пространством, где образовывались новые формы бытия.

3. Обсуждение

Городское пространство северной части современного Казахстана в период рубежа XIX–XX веков и ключевая роль казачества в данном процессе определили взаимную уникальную городскую культуру в крае. Условия жизнедеятельности казачьего сословия предполагали многозадачность и многофункциональность, что было присуще многим сословиям в условиях дореволюционной слаборазвитой российской экономики. Однако, в отличие от других сословий в дореволюционной России, казачество помимо хозяйственных обязанностей выполняло административные и военные функции. Полифункционализм казачества был также обусловлен целым рядом объективных факторов, как, например, природно-климатические условия, новая этническая среда и проживание в городах.

Дореволюционная историография представлена преимущественно работами обобщающего характера, где отражены сведения о хозяйственном укладе, быте и культуре сибирского казачества (Красовский, 1868) и этнографического направления (Живописная Россия, 1884). Научную ценность представляют обзоры, где представлена экономическая ситуация края (Усов, 1876). Предметом изучения стали и отношения между местным населением и казаками, которые зачастую могли носить конфликтный характер. Это побудило правительство и сибирскую администрацию обеспечить земледельческую колонизацию в этом крае устройством целой, довольно сильной линией укреплений, тогда как в других местах Сибири ограничивались постройкой отдельных острогов. Отсюда на лесостепной границе появляются не просто военные строения, а укрепленные Пограничные линии (Усов, 1876: 6). Указанные работы позволяют проследить генезис сибирского казачества и основные этапы освоения Приишимья, выстроить картину градостроительства и места казачества в этом процессе.

Советская историография, обозначая предпосылки образования городов, акцентировала внимание на экономических факторах. Развитие капитализма в крае, по мнению историков того

периода, ускорило процесс градостроительства (Герасимова, Бекмаханова, 1988: 25-49). Работы Н. Алексеенко, Н. Апполовой рассматривают сибирское казачество как с точки зрения демографического потенциала, так и экономических возможностей (Алексеенко, 1981; Апполова, 1976). Процесс участия казаков в создании городской среды отмечен также в работе Ж. Касымбаева (Касымбаев, 1990).

Советская историография практически не связывает процессы трансформации в казачьем обществе с развитием городской среды. Большинство исследователей видят причину изменений и движения социального характера в экономических причинах.

Вопросы городской цивилизации в степном пространстве и сегодня являются предметом дискуссий. Так, К. Байпаков, дополняя Марксовское определение, считает, что город – не только оппозиция деревни, но и степи (Байпаков, 2008: 15). Тогда как А.К. Кузембайулы считает, что антагонизма между городом и степью не было, а было конструктивное взаимодействие. Город и степь представляли собой своеобразные гаранты продовольственной безопасности и экономического дополнения друг другу (Кузембайулы, 2002: 53). В современной казахстанской историографии историческая урбанистика, представляя собой молодое направление, тем не менее имеет в качестве своей основы сложившийся пласт исследований по городоведению, отражающий различное понимание проблемы и аспектов ее изучения. Г.А. Алпысбаева считает, что в основу должна быть поставлена социокультурная эволюция реальных человеческих общностей, и такая тенденция уже сегодня прослеживается в исторической науке (Алпысбаева, 2015: 54). Она утверждает, что казахские города в силу объективных причин были слабее интегрированы в систему экономического взаимодействия, но промышленный и торговый аспекты градообразования не были единственными (Алпысбаева, 2015: 49). Действительно, наличие градообразующих объектов не всегда приводит к созданию городского духа. Так, В.А. Исупов в своих работах называл процесс советского градостроительства «псевдо-квазиурбанистикой» ввиду того, что ускоренный рост городов привел к диспропорции между численностью населения и степенью развития городской социальной инфраструктуры и, что немаловажно, к задержке формирования городского образа жизни (Исупов, 2013: 242). Тезис В.А. Исупова применителен как к развитию города, так и казахской городской среды периода XIX–XX вв.

Не отрицая значимости экономических факторов, отметим, что в настоящем исследовании город интересен не только как административная точка и центр развития промышленности и торговли, но прежде всего как некая социокультурная среда, которая создается активной деятельностью человека, т.е. казаком. Данный подход дает возможность освободиться от распространенного как в советской, так и современной казахстанской городской историографии тезиса об экономической обусловленности возникновения колониального города в степи. С другой стороны, важным акцентом в данном исследовании является взаимовлияние города и казака, а также структурные изменения в быту и практике восприятия мира казаком под влиянием новой городской реальности.

История продвижения границ империи в глубь казахской степи и строительства военных укрепленных линий имеет свои особенности и отличия от других территорий Сибири (Malyutina et al., 2019: 1431). Пограничная линия, выполняя функцию защиты, стала пространством, где сталкивались интересы местного казахского населения и казаков. Аналогичную роль играл Восточный Памир, который стал местом средоточия русского контингента и «примером конфликта и синтеза европейского мира Нового времени и традиционного кочевого общества» (Shorokhov et al., 2019: 1664). Изучение такого рода вопросов требует деликатного применения метода фронта. Существующая полемика относительно фронтальных исследований в исторической науке не снижает ее актуальности (Басалаева и др., 2020: 81-105).

На основе архивных документов личного фонда известного историка Западной Сибири и Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаева, отложившегося в Государственном историческом архиве Омской области, Л.К. Мукатаева освещает проблемы продвижения сибирского казачества в глубь степи, историю создания крепостей, вопросы землепользования между казаками и казаками, социально-экономические и этнокультурные отношения между казачеством и казахским населением Степного края (Мукатаева, 2014).

Перманентные столкновения наложили отпечаток на градостроение и в какой-то мере позволяют понять особенности переходного пограничного состояния изучаемых городских пространств рубежа XIX–XX вв., которые, являясь по функционалу административными центрами в архитектурном отношении, все еще представляли собой сельские поселения.

Современная городская история в Казахстане находится в парадигме освоения объема западной литературы, методов и подходов изучения, с одной стороны, и преодоления историческим сообществом определенных стереотипов, сдерживающих развитие данного направления – с другой.

Во-первых, распространенное мнение, что степь и город – понятия взаимоисключающие, на долгое время сделали данную тему непривлекательной для исследователей. Во-вторых, казахстанские города рубежа XIX–XX вв. представляли собой города неклассического типа и были скорее центрами для размещения административных единиц. В-третьих, неравномерность городов и городских поселений не позволяли выявить универсальные принципы их развития.

4. Результаты

Сибирские казаки кардинально отличались от других, напимере, Уральского или Донского казачества, которые «образовались самобытно, движением вольных и охочих людей на окраины государства» (Бабков, 1912: 26). Ядро Сибирского казачьего войска образовывалось постепенно из местных казаков, т.е. городских и крепостных, а также выписных – сибирских крестьян, выписываемых, т.е. посылаемых на временную службу для работ по возведению крепостей и редутов на существовавших прежде сибирских передовых военных линиях. Они владели землями, получали жалованье за несение пограничной службы и выполнение полицейских обязанностей. Взамен государство предоставляло им различные торговые и промысловые преференции. Формирование сибирского казачества было связано, прежде всего, с продвижением русского государства в юго-восточном направлении, одновременно строились крепости, постепенно на их основе стали развиваться города как военно-административные центры.

Пополнение казачьих войск в Казахской степи производилось из среды переселенцев, число которых с каждым годом увеличивалось в связи с крестьянской колонизацией. Однако желающих вступить в казачье войско из года в год становилось меньше, так как казачья администрация не могла обеспечить всех переселенцев, вступающих в военные ряды земельными наделами. В 1880–1890-е годы механический прирост сибирского казачества не наблюдается. Наоборот, количество отказавшихся от войскового сословия было больше числа вступивших в данное сословие. Это объясняется тем, что на территории южной Сибири и в Казахской степи произошли жестокие неурожаи, поэтому некоторые категории казаков имели возможность легально выходить из войска. Так, общий прирост казачьего населения в 1880-е годы составил 1,52 % (Андреев, 2007: 19–20).

Казачье сословие в начале XX века в городах Акмолинской и Семипалатинской областей было представлено незначительным количеством. Например, в 1902 году в Павлодаре проживало всего чуть более 1 % казаков (73 чел.). Если сравнить с сельским населением или численностью казаков в Павлодарском уезде, то на этот год их число составляло более 5 % (9207 чел.) от всего населения уезда (Обзор Семипалатинской области, 1903).

Аналогичная ситуация была и в других городах Акмолинской области: в Петропавловске к 1915 году проживало 5082 казаков (общее количество горожан составляло 50075 чел.), в Кокчетаве – 48 казаков (4787 чел.), в Акмолинске – 1814 казаков (18740 чел.) (Обзор Акмолинской области, 1915).

В общем, в первые пятнадцать лет XX столетия среднегодовой численный рост сибирского казачества достиг 2,33 %. В 1915 году численность сибирских казаков увеличилась до 172 тыс. человек, что составило около 3,9 % от всего казачества Российской империи (Андреев, 2007: 17).

Местом локации казаков были станицы, крепости, форпосты и редуты. Более крупные крепости имели потенциал для роста и городского развития, одновременно способствуя трансформации казачества в новых социально-экономических условиях.

Колониальные города азиатской части Российской империи периода XVIII–XIX вв. представляли собой центры численностью не более 50 тысяч человек, где основными жителями являлись служилые казаки, купечество. Механизм образования городов выглядел следующим образом: вначале строилась крепость как некий опорный пункт, защищающий границы русского государства, или как отправная точка для продвижения в глубь степей. Далее здесь появляется церковь, с одной стороны, как духовное место, с другой – как общественное пространство. Одновременно появляются торговцы и, как следствие, место торговли – базарная площадь, которую также нужно рассматривать как публичное пространство, где происходило столкновение и взаимодействие разных в своей сущности культур. Кстати, питейные места появляются в городах, развивая, таким образом, городскую инфраструктуру. И если торговое пространство было частью повседневного экономически обусловленного взаимодействия, то трактиры, будучи в своем роде необходимым атрибутом городского пространства, несли угрозу для кочевника. В свое время еще Кенесары Касымов высказывал опасения о негативном влиянии данных учреждений на казахов (Бекмаханов, 1947: 122).

Но процесс преобразования крепостей в города имел длительный характер, и, разумеется, не все крепости могли перейти в статус города.

Так, формированию европейского города способствовали наличие рынка, биржи, собора, суда, театра и трактира. Если этого многообразия нет, то по европейским представлениям и города нет. Дефиниции города предполагают наличие публичного пространства, людей, не занятых производственной деятельностью (Глазычев, 2009: 9–10).

Относительно определений города нет единого понимания, но в любом случае город в своем генезисе и развитии будет рассматриваться как пространство экономической активности и контрастности. Одним из примеров трансформации крепостей в города и казака в горожанина являются Акмолинск и Петропавловск. Петропавловская крепость была построена на реке Ишим в середине XVIII как военный опорный пункт. Выгодное географическое положение способствовало развитию региональной и внутренней торговли, и к 1825 году крепость становится городом. Численность городского населения постоянно увеличивалась. Если во второй половине XIX века количество горожан насчитывало около 10 тысяч человек, то к началу XX века в Петропавловске оно

достигло более 20 тысяч человек, что даже по меркам внутрироссийского города было внушительной цифрой (Киргизский край, 2006: 180).

В XIX же веке основание городов стало результатом деятельности не только казачества, но и коренного населения. Так, волостной султан Карпыковской волости Коныркулжа Кудаймендин в 1829 году инициирует открытие округа и города при урочище Акмола. Согласно записям начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майора С.Б. Броневского, его просьба была удовлетворена.

В мае 1830 года комендантом Петропавловской крепости подполковником Ф.К. Шубиным было определено место под будущий город в урочище Караоткель. Именно в этом месте проходили торговые караваны. 18 июня 1830 года казахская делегация от волостей в письменной форме одобрила и утвердила выбор этого места. Так зародился новый город на берегу реки Ишим (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 1-2).

В период восстания Кенесары Касымов в казахских степях произошло одно из важных событий в становлении города Акмолинска. В 1838 году войска последнего хана Казахского ханства попытались захватить его и в результате осады военное укрепление сильно пострадало от пожара. В течение последующих двух лет казаки и крестьяне восстанавливали фортификационные сооружения, заново возводили стены и башни-бастионы. Восстановительные строительные работы завершились к 1840 году. В этом же году увеличилась численность гарнизона, сюда был переброшен 2-й Сибирский линейный батальон.

В 1845 году казаки-переселенцы образовали Акмолинскую казачью станицу. Статус города Акмолинской крепостью был получен в 1863 году. Затем в 1869 году упраздняется Акмолинский приказ, а в 1876 году – само Акмолинское укрепление (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 1. Д. 253. Л. 72). На начало XX века население города Акмолинска достигло 8758 человек, что вывело его на третье место по количеству населения среди городов Акмолинской области после Омска и Петропавловска (Киргизский край, 2006: 181).

Тем не менее Акмолинск и Петропавловск были далеки от классических городов европейского и российского форматов. Они скорее напоминали большие деревенские поселения. Горожане занимались земледелием и разводили скот, что также не укладывается в определение городского жителя, который в большинстве своем является потребителем деревенского производства. В данном случае горожанин выступает в качестве создателя и, по сути, находится в условиях натурального хозяйства.

Но и внутрироссийская действительность не могла создать условий, при которых возможно было бы развитие городов в классическом европейском понимании, где под городской культурой понимают «особую среду порождения, распространения ценностей и обмена ими между свободными гражданами» (Глазычев, 2009: 15). Особенностью внутрироссийских городов было и то, что основная часть их населения кормилась преимущественно с «огородов», что закрепляло аграрный облик городов. Эта практика сохранялась до советской политики градостроительства.

Но, если за городом закрепить функцию поселения как центра влияния на социально-экономические и политические процессы, то в этом случае Акмолинск и Петропавловск соответствовали городу, так как они оказывали существенное влияние на жизнь степного пространства.

В то же время В. Глазычев выводит тезис, что формирование городов и городской среды является делом рук самих жителей (Глазычев, 2009: 15). Во всех казачьих поселениях при активном участии населения шло строительство новых церквей. Приходя на новое место, казаки начинали со строительства церкви или часовни. Расходы на строительство храмов и содержание духовенства целиком брали на себя казаки.

Церковь является одним из главных атрибутов города. В 1854–1856 годах в центре Акмолинской крепости за счет войсковой казны была построена однопрестольная Константино-Еленинская деревянная церковь. Православного священника сначала не было, его обязанности мог исполнять старейшина из казачьего сословия. Уже позже появится официальный православный приход.

После упразднения статуса военного укрепления и преобразования Акмолинска в город казаки Акмолинской станицы стали требовать возвращения им Константино-Еленинской церкви как собственности Сибирского казачьего войска. В 1900 году церковь была разобрана и перевезена в станицу. 14 мая произошла ее закладка на станичной площади, после чего церковь предстала в значительно измененном виде: не подлежала восстановлению колокольня, внешние стены были отреставрированы и побелены, а прежде были обшиты тесом. Церковная станичная площадь стала служить местом проводов казаков на военную службу, крестных ходов на пасху и иных престольных праздников, стала местом сосредоточения общественных мероприятий, праздников и торжественных шествий (ГАГНС. Ф. 362. Оп. 1. Д. 253. Л. 72; ГАГНС. Ф. 362. Оп. 2. Д. 22. Л. 2-4).

В начале XX века Акмолинск имел две мечети, два православных храма и синагогу. Основная часть населения города была православной, мусульмане были представлены татарами и казахами. Совсем малый процент приходился на иудейское население. Более того, среди казачьего сословия были иудеи и мусульмане.

Постепенно казачество под влиянием новых условий меняет обычный уклад, адаптируя его под городское жизнеустройство. При правлении Александра I было инициировано слияние казаков-офицеров с дворянством, торговых казаков с русским купечеством, остальных с крестьянством, однако на тот период это оказалось невозможным – соединить свободных и воинственных казаков с русским крестьянством. Императивный посыл, направленный на социальные трансформационные процессы, не имел эффекта, так как для этого нужны были объективные условия. Городские поселения изменили структуру казачества, несмотря на его корпоративность, потому как город стал центром активной внутренней и международной торговли, способствуя, таким образом, развитию капиталистических отношений.

В середине XIX века после принятия манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости было принято решение о сближении казаков в отношении устройства их гражданского быта с прочим населением империи. Казачьи офицеры и чиновники были освобождены от обязательной воинской службы, их земельные наделы переведены в частную собственность. Был учрежден особый класс войсковых граждан, свободный от воинской повинности и своей деятельностью послуживший развитию промышленности и благоустройства войск. Были приняты меры к распространению среди казаков образования.

После реформ значительная часть земель ушла из сословного владения. Рост населения привел к дефициту земли. Недостаток земли и развитие общего образования привели к формированию новых профессиональных направлений. Появились выходцы из казачества – адвокаты, учителя, фабриканты, ремесленники. Началось деление казаков на войсковых и гражданских. Социальная структура казачества была достаточно сложной не только из-за сословных дифференциаций, но и в результате усиливающегося имущественного неравенства, выделения зажиточных слоев, малоимущих и середняцких казачьих хозяйств ([История казачества Азиатской России, 1995: 101-102](#)).

Вместе с тем тяжелая воинская служба приводила к обеднению казачества, что явилось одной из главных причин социальной трансформации. В то же время в выполняемом функционале казаков произошли определенные изменения. Так, по мнению казахстанского исследователя, сибирское казачество начинает уступать «первенство в колонизационной функции переселенческому крестьянству» ([Мусырман, 2005: 42](#)), что естественным образом способствовало социальной трансформации в казачестве.

На рубеже XIX–XX вв. в казачьей среде появляются новые социальные группы, происходит дифференциация по имущественному и экономическому признакам. Привилегированное положение имели офицерский состав и войсковые чиновники, которые получали чиновно-служилое сословие – потомственное дворянство. Их жизнь и быт существенно отличались от рядового казачества. Ярким примером может служить вопрос землепользования, так как для офицеров-чиновников оно было основано на правах пожизненного.

Во второй половине XIX века появились такие категории казачества, как неслужилое сословие. В этот период происходил процесс сокращения сроков службы и количества служилых казаков. Оставшаяся часть освобождалась от военной службы и пополняла ряды неслужилых казаков. Такие группы занимались сельским хозяйством, торговлей, ремесленничеством и облагались дополнительным налогом.

Отдельной категорией в казачестве считается духовенство. Первые православные духовные служители и вовсе были из казаков. Позже в результате переселения огромного числа крестьянского населения православными священнослужителями становились выходцы из крестьян. Несмотря на тенденции ослабления религиозности среди казаков в начале XX века, основная их часть была крепка в вере. Многие церкви строились по инициативе и на средства казаков. В основном местный штат церковнослужителей выбирался прихожанами из казачьего населения, затем утверждался приказом епархиального архиерея.

Среди казаков встречалось немало представителей раскольного движения. На территории, которым владело Сибирское войско, в 1912 году было зарегистрировано 8934 старообрядца и сектанта, в казачьих же районах Урала их было гораздо больше (26979 – на землях Оренбургского войска и 71245 – на землях Уральского) ([История казачества Азиатской России, 1995: 150-152](#)).

Церковь занималась миссионерской деятельностью в среде казаков-старообрядцев, ей удавалось добиваться некоторых результатов. После выхода Указа от 17 апреля 1905 года «О свободе вероисповедания» деятельность миссионеров приобрела менее заметные масштабы. Религиозность казачества отражалась на многих мелочах повседневной жизни, в праздничной обрядности.

Особой социальной группой казачества считались торговые казаки. Казаки-купцы были освобождены от военной службы, однако должны были ежегодно оплачивать сборы в торговый капитал. Им разрешали устраивать и содержать на войсковых землях фабрики и заводы, повсеместно осуществлять торговые операции, торговать оптом и в розницу. Среди торговых казаков встречались крупные скотовладельцы, а также те, кто занимался предпринимательством.

Хрестоматийным примером появления городской культуры и трансформации казачьего сословия является история семьи Кубриных. Основателем фамилии был Константин Кубрин. Сыновья Андриан и Матвей имели отдельные торговые дома в Акмолинске. В начале XX века в Акмолинске Кубрины являлись наиболее влиятельными купцами, сумевшими открыть свое дело как по всей области, так и в Москве (Касымбаев, Агубаев, 1998: 91-92).

Матвей Кубрин большое внимание уделял своим сотрудникам, обеспечивая их материальные и духовные запросы. В 1915 году в Акмолинске было создано Общество служащих товарищества на паях «Матвей Кубрин с сыновьями и Ко», важной задачей которого стало повышение культурного и образовательного уровня участников организации. Для членов общества проводились лекции, литературные и поэтические вечера. Помимо этого, М. Кубрин являлся попечителем городского трехклассного училища (Этносы Акмолинского Приишимья, 2009: 33).

Характерной чертой казачества восточных регионов империи был его полиэтнический и многоконфессиональный состав. Кроме славянских этносов в казачьем сословии состояло немало калмыков, башкир, татар и др., большая часть которых относилась к нехристианским конфессиям. У данных групп казаков встречалось весьма интересное переплетение элементов различных культур и верований (История казачества Азиатской России, 1995: 150).

Добровольно вступавшими в войсковое сословие в основном были казахи-джатаки, из-за своей крайней бедности не имевшие возможности кочевать в степи, и осевшие в прилинейных крепостях и редутах в качестве наемных работников. Они зачислялись в войско по материальным соображениям, например, рассчитывая на получение продовольствия для себя и своих детей (по положению 1808 г. казачьи дети возрастом от 2 до 17 лет обеспечивались продовольствием за счет казны). По подсчетам Г.И. Успеньева, «новокрещенные киргизы» и их сыновья, числившиеся уже в качестве «казачьих детей», в 1831 г. составляли около 4 % сибирских линейных казаков (Успеньев, 1984: 141-142).

Город, находясь в тесном взаимодействии со степью, был подвержен влиянию казахской культуры и быта. Формируется своеобразный образ жизни горожанина. По утверждению Г.Е. Катанаева, казаки, находясь в тесном взаимодействии с местным населением в течение не одного десятилетия, перенимали элементы хозяйства, особенно скотоводства, домашнего быта, одежды, порой обычаи и даже язык (ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 6).

Г.Е. Катанаев в своих изысканиях приводит интересные сведения о быте и хозяйственных особенностях казахского народа и казачества. Он рассматривает хозяйство и быт казахов и русских, проживающих в Степном крае, не обособленно – каждый сам по себе, а параллельно – казахи и русские в одинаковых условиях, в одном временном срезе, равноценной зажиточности по всей структуре позиций домашнего обихода и имущественного положения (Мукатаева, 2014: 163).

На территории Пограничной линии русская и казахская речь одинаково использовалась в официальном делопроизводстве и быту: от разговоров ямщиков, в суде до рапортов и докладов станичных начальников. Об этом свидетельствует и сибирский ученый, общественный деятель Григорий Потанин (Живописная Россия, 1884: 113). М.И. Красовский также приводит сведения о случаях разбирательств между казахом и казаком в суде биев, что говорит об уважительном отношении к суду в степи. Это также показатель того, что казаки не всегда могли рассчитывать на защиту своих интересов со стороны царской администрации. Следовательно, можно утверждать, что межэтнические взаимоотношения в Степном крае имели свои особенности (Красовский, 1868: 403).

Несмотря на взаимовлияние культур, казачество культивировало свою уникальность и сохраняло скрепы, противопоставляя себя русской культуре: «мы не едим мясо чужого реза – от русских или каракалпаков не возьмем ничего» (Сагнаева, 1993: 128). Значительное число блюд казачьей кухни было заимствовано у кочевых народов, часть из которых была включена в рацион без трансформации, другая часть интегрирована в рацион с некоторыми поправками. Так, казахское национальное блюдо «бешбармак» готовилось не только из конины и баранины, но и из птицы и рыбы, что впоследствии было перенято местными народами и устойчиво вошло в татарскую, казахскую и другие кухни (Савичев, 2006: 138).

5. Заключение

Таким образом, активное развитие городского пространства Северного Казахстана связано с административной и экономической деятельностью казачества. Очевидно, что дореволюционный город обладал специфическими функциями и характером, обусловленными географическими и цивилизационными факторами. Казачество рубежа XIX–XX вв. пережило сложную трансформацию, связанную с внедрением новых форм бытия и адаптацией к городской жизни. Анализ источников и материалов позволяет нам говорить о том, что одним из сдерживающих факторов развития городской среды и образа жизни, помимо вышеуказанных, является неготовность казачества к новым моделям устройства. Однако, несмотря на данный факт, казачество участвовало в процессе создания городского пространства по долгу службы. Вне официальной деятельности казак предпочитал заниматься традиционными видами хозяйства. Постепенно из казачества формируются новые социальные группы: учителя, адвокаты, торговцы, духовенство, что, естественно, происходило под влиянием города. Новая социально-экономическая реальность, спродуцированная городом,

сформировала запросы на иные социальные группы или на необходимость корректирования своих традиционных профессиональных навыков применительно к текущей социально-политической ситуации.

6. Благодарности

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. АР08857378).

Литература

- Алексеев**, 1981 – *Алексеев Н.В.* Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981. 112 с.
- Алпысбаева**, 2015 – *Алпысбаева Г.А.* Историческая урбанистика Казахстана. Историографический обзор / Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г. Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. С. 47–60.
- Андреев**, 2007 – *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско как социально-территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.). Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Кемерово, 2007. 43 с.
- Апполова**, 1976 – *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М., 1976. 371 с.
- Бабков**, 1912 – *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. СПб., 1912. 575 с.
- Байпаков**, 2008 – *Байпаков К.П.* Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетису // *Известия Национальной академии наук РК. Серия общественных наук.* 2008. № 1 (254). С. 3–25.
- Басалаева и др.**, 2020 – *Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И., Мизис Ю.А., Сень Д.В., Урушадзе А.Т., Ходарковский М.* Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сень // *Петербургские славянские и балканские исследования.* 2020. № 1 (27). С. 81–105.
- Бекмаханов**, 1947 – *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40 годы XIX в. Алма-Ата, 1947. 392 с.
- ГАГНС** – Государственный архив города Нур-Султан.
- Герасимова, Бекмаханова**, 1988 – *Герасимова Э.И., Бекмаханова Н.Е.* Проблемы политической и социально-экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. (70–80-е годы) // *Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период).* Алма-Ата: Наука, 1988. С. 25–49.
- ГИАОО** – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».
- Глазычев**, 2009 – *Глазычев В.* Политическая экономия города. М., 2009. 192 с.
- Живописная Россия**, 1884 – *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении* / Под ред. П.П. Семенова. Том XI. СПб.-М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1884.
- История казачества Азиатской России**, 1995 – *История казачества Азиатской России.* Т. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. Гл. редактор В.В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 271 с.
- Исупов**, 2013 – *Исупов В.А.* Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. // *Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации / Материалы Межрегиональной научной конференции.* 6–7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.
- Касымбаев**, 1990 – *Касымбаев Ж.* Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. (социально-экономический аспект). Алма-Ата, 1990. 184 с.
- Касымбаев, Агубаев**, 1998 – *Касымбаев Ж.К., Агубаев Н.Ж.* История Акмолы (XIX – начало XX века): исследования, источники, комментарии. Алматы, 1998. 176 с.
- Киргизский край**, 2006 – *Киргизский край* / Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том восемнадцатый. Под редакцией В.П. Семенова. СПб., 1903. Репринтное издание. Уральск, 2006. 496 с.
- Красовский**, 1868 – *Красовский М.И.* Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. 3. СПб., 1868.
- Кузембайулы, Абиля**, 2002 – *Кузембайулы А., Абиля Е.* История Казахстана. Астана: Фолиант, 2002. 368 с.
- Мукатаева**, 2014 – *Мукатаева Л.* Сибирский историк Степного края. Астана, 2014. 184 с.
- Мусырман**, 2005 – *Мусырман А.* Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв. (основные проблемы социально-экономического развития). Петропавловск, 2005. 176 с.
- Обзор Семипалатинской области**, 1903 – *Обзор Семипалатинской области за 1902 год.* Семипалатинск, 1903. 95 с. Ведомость о числе населения Семипалатинской области по сословиям за 1902 год.

Обзор Акмолинской области, 1915 – Обзор Акмолинской области за 1914 год. Акмолинск, 1915. 76 с. Ведомость о числе населения Акмолинской области по национальностям и сословиям за 1914 год.

Савичев, 2006 – Савичев Н. Уральская старина. Рассказы из виденного и слышанного. Уральск, 2006. 468 с.

Сагнаева, 1993 – Сагнаева С. Материальная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. 236 с.

Усов, 1876 – Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1876. 320 с.

Успенев, 1984 – Успенев Г.И. Казахи в составе Сибирского казачьего войска // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С. 141-142.

Этносы..., 2009 – Этносы Акмолинского Приишимья: история и современность. Астана, 2009. 280 с.

Malyutina et al., 2019 – Malyutina L.F., Gergilev D.N., Gryaznukhin A.G., Zhabaeva L.B. Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1429-1438.

Shorokhov et al., 2019 – Shorokhov V.A., Andreev A.A., Yanchenko D.G. The Last Frontier of the Empire: The Eastern Pamir in Russian Border Culture // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1656-1669.

References

Alekseenko, 1981 – Alekseenko, N.V. (2015). Naselenie dorevolucionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870-1914 gg.) [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870-1914)]. Alma-Ata, 112 p. [in Russian]

Alpysbaeva, 2015 – Alpysbaeva, G.A. (2015). Istoricheskaya urbanistika Kazakhstana. Istoricheskij obzor [Historical urbanism of Kazakhstan. Historiographical review]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g. Kurgan: OOO «Kurganskii Dom pečhati»*, pp. 47-60. [in Russian]

Andreev, 2007 – Andreev, S.M. (2007). Sibirskoe kazach'e vojsko kak social'no-territorial'naya sistema: organizaciya i osnovnye etapy razvitiya (1808-1917) [Siberian Cossack army as a socio-territorial system: organization and main stages of development (1808-1917)]. Avtoref. diss. d-ra ist. nauk. Kemerovo, 43 p. [in Russian]

Appolova, 1976 – Appolova, N.G. (1976). Hozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce XVI – pervoj polovine XIX vv. [Economic development of the Irtysh region at the end of the XVI – first half of the XIX centuries]. М., 371 p. [in Russian]

Babkov, 1912 – Babkov, I.F. (1912). Vospominaniya o moej sluzhbe v Zapadnoj Sibiri. 1859–1875 [Memoirs of my service in Western Siberia. 1859–1875]. St. Petersburg, 575 p. [in Russian]

Bajpakov, 2008 – Bajpakov, K.P. (2008). Gorod i step' v drevnosti: osedlost' i zemledelie u sakov i usunej Zhetisu [The city and the steppe in ancient times: settlement and agriculture among the Saks and Usuns of Zhetisu]. *Izvestiya Natsional'noi akademii nauk RK. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1(254): 3-25. [in Russian]

Basalaeva i dr., 2020 – Basalaeva, I.P. Dubman, E.L., Mil'chev, V.I., Mizis, Yu.A., Sen', D.V., Urushadze, A.T., Hodarkovskij, M. (2020). Kak segodnya izuchat' frontiry? Diskussiya po stat'e D.V. Senya [How to study frontiers today? Discussion on the article by D.V. Senya]. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*. 1(27): 81-105. [in Russian]

Bekmahanov, 1947 – Bekmahanov, E. (1947). Kazahstan v 20-40 gody XIX v. [Kazakhstan in the 20-40 years of the XIX century]. Alma-Ata, 392 p. [in Russian]

Etnosy, 2009 – Etnosy. Akmolinskogo Priiшим'ya: istoriya i sovremennost' [Ethnic groups Akmola priiшимje: history and modernity]. Астана, 2009. 280 p. [in Russian]

GAGNS – Gosudarstvennyj arhiv goroda Nur-Sultan [State Archive of the city of Nur-Sultan].

Gerasimova, Bekmahanova, 1988 – Gerasimova, E.I., Bekmahanova, N.E. (1988). Problemy politicheskoi i social'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana XVIII–XIX vv. (70-80-e gody) [Problems of political and socio-economic history of Kazakhstan of the XVIII–XIX centuries (70-80-ies)]. *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Kazakhstana (dorevoljucionnyi period)*. Alma-Ata, Nauka, pp. 25-49. [in Russian]

GIAOO – Byudzhethnoe uchrezhdenie Omskoj oblasti «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti» [Budget institution of the Omsk region «Historical archive of the Omsk region»].

Glazychev, 2009 – Glazychev, V. (2009). Politicheskaya ekonomiya goroda [Political economy of the city]. Moscow, 192 p. [in Russian]

Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii, 1995 – Istoriya kazachestva Aziatskoj Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia]. Т. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh veka. Gl. redaktor V.V. Alekseev. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 271 p. [in Russian]

Isupov, 2013 – *Isupov, V.A.* (2013). Kvaziurbanizaciya v stalinskoj strategii modernizacii Sibiri: vtoraya polovina 1920-h – 1930-e gg. [Quasi-urbanization in the Stalinist strategy of modernization of Siberia: the second half of the 1920s-1930s]. *Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiiskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii. Materialy Mezhtsional'noi nauchnoi konferentsii*. Pp. 238-245. [in Russian]

Kasymbayev, 1990 – *Kasymbayev, Zh.* (1990). Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861-1917 gg. (social'no-ekonomicheskij aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861-1917 (socio-economic aspect)]. Alma-Ata, 184 p. [in Russian]

Kasymbayev, Agubaev, 1998 – *Kasymbayev, Zh.K., Agubaev, N.Zg.* (1998). Istoriya Akmoly (XIX – nachalo XX veka): issledovaniya, istochniki, kommentarii. [The history of Akmola (XIX – early XX century): research, sources, comments]. Almaty, 176 p. [in Russian]

Kirgizskij kraj, 2006 – Kirgizskij kraj. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva [Russia. Complete geographical description of our Fatherland]. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Tom vosemnadtsatyi. Pod redaktsiei V.P. Semenova. SPb., 1903. Reprintnoe izdanie. Ural'sk, 2006. 496 p. [in Russian]

Krasovskij, 1868 – *Krasovskij, M.I.* (1868). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Oblast' sibirskih kirgizov [Materials for geography and statistics of Russia. The region of the Siberian Kirghiz]. Ch. 3. St. Petersburg. [in Russian]

Kuzembajuly, Abil', 2002 – *Kuzembajuly, A., Abil', E.* (2002). Istoriya Kazakhstana [History of Kazakhstan]. Astana, Folio, 368 p. [in Russian]

Malyutina et al., 2019 – *Malyutina, L.F. Gergilev, D.N., Gryaznuhin, A.G., Zhabaeva, L.B.* (2019). Social Thought in Russia of Its Czarist-Era about the Place of Siberia in the State Structure of the Country. *Bylye Gody*. 54(4): 1429-1438.

Mukatayeva, 2014 – *Mukataeva, L.* (2014). Sibirskiy istorik Stepnogo kraja. [Siberian historian of the Steppe Region]. Astana, 184 p. [in Russian]

Musyрман, 2005 – *Musyрман, A.* (2005). Sibirskoe kazachestvo na rubezhe XIX–XX vv. (osnovnye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya) [Siberian Cossacks at the turn of the XIX–XX centuries (the main problems of socio-economic development)]. Petropavlovsk, 176 p. [in Russian]

Obzor Semipalatinskoj oblasti, 1903 – Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1902 god [Overview of the Semipalatinsk region for 1902]. Semipalatinsk, 1903. 95 p. Vedomost' o chisle naseleniya Semipalatinskoj oblasti po sosloviyam za 1902 god. [in Russian]

Obzor Akmolinskoj oblasti, 1915 – Obzor Akmolinskoj oblasti za 1914 god [Review of the Akmola region for 1914]. Akmolinsk, 1915. 76 p. Vedomost' o chisle naseleniya Akmolinskoj oblasti po natsional'nostyam i sosloviyam za 1914 god. [in Russian]

Savichev, 2006 – *Savichev, N.* (2006). Ural'skaya starina. Rasskazy iz vidennogo i slyshannogo [Uralskaya starina. Stories from what I've seen and heard]. Uralsk, 468 p. [in Russian]

Sagnaeva, 1993 – *Sagnaeva, S.* (1993). Material'naya kul'tura ural'skogo kazachestva konca 19 – nachala 20 veka [Material culture of the Ural Cossacks of the late 19th – early 20th century (development of ethnic traditions)]. Moscow, 236 p. [in Russian]

Shorokhov et al., 2019 – *Shorokhov, V.A., Andreev, A.A., Yanchenko, D.G.* (2019). The Last Frontier of the Empire: The Eastern Pamir in Russian Border Culture. *Bylye Gody*. 54(4): 1656-1669.

Usov, 1876 – *Usov, F.* (1876). Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego vojska [Statistical description of the Siberian Cossack army]. St. Petersburg, 320 p. [in Russian]

Uspen'ev, 1984 – *Uspen'ev, G.I.* (1984). Kazahi v sostave Sibirskogo kazach'ego vojska [Kazakhs as part of the Siberian Cossack Army]. *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij: Tezisy dokladov oblastnoi nauchnoi konferentsii po etnografii*. Omsk, pp. 141-142. [in Russian]

Zhivopisnaya Rossiya, 1884 – Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii [Pictorial Russia. Our fatherland in its land, historical, tribal, economic and domestic significance]. Pod red. P.P. Semenova. Tom XI. SPb.-M.: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f. [in Russian]

Социальная трансформация сибирского казачества в условиях формирования городского пространства Северного Казахстана на рубеже XIX–XX вв.

Жаслан Есеевич Нурбаев^a, Гулмира Жолмагамбеткызы Султангазы^{b, *},
Лепуда Каримкызы Мукатаева^b

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

^b Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sulgo96@gmail.com (Г.Ж. Султангазы)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности формирования городского пространства в Северном Казахстане, входившем на рубеже XIX–XX веков в состав Степного генерал-губернаторства. Авторы на примере городов Акмолинск и Петропавловск исследовали процессы становления городской культуры и участия в нем сибирского казачества.

Активное развитие городского пространства указанного периода связано с административной и экономической деятельностью казачества. Очевидно, что дореволюционный город обладал специфическими функциями и характером, обусловленными географическими и цивилизационными факторами. А казачество рубежа XIX–XX вв. пережило сложную трансформацию, связанную с внедрением новых форм бытия и адаптацией к городской жизни.

Целью настоящей статьи является выявление специфики взаимодействия казачьего сословия и города в контексте колониальных мероприятий, где казак и город выступают как равноправные диалектически взаимосвязанные субъекты.

Трансформация и формирование новых социальных категорий и профессиональных направленностей актуализировались энергетикой города, обуславливающей находить применение своих трудовых способностей в объективных социально-экономических условиях обозначенного периода. Так, в казачьей среде сформировались новые профессии и новые социальные категории. По мнению авторов, города формировались исключительно на территории Пограничных линий. С одной стороны, этот факт должен был способствовать развитию города и формированию городского образа жизни среди казачества, а с другой – Пограничная линия, выполняя функцию защиты, стала пространством столкновений интересов местного казахского населения и казаков. Социально-экономические коммуникации казахского и казачьего обществ привели к сложному формату взаимодействия двух разноориентированных коллективов, носителей разных языков, традиций, культур.

Ключевые слова: Северный Казахстан, сибирское казачество, город, городская среда, городское пространство, социальная трансформация, казахи, казачья колонизация, историческая урбанистика, социальные группы.